

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-1-50-61
УДК 821.161.1.0-2"18"

А. М. Ранчин
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0414-5106

«Возврат Чацкого в Москву...» Е. П. Ростопчиной и «Горе от ума» А. С. Грибоедова: особенности структуры текста

АННОТАЦИЯ

В статье содержится сопоставительный анализ двух комедий: «Горя от ума» А. С. Грибоедова и «Возврата Чацкого в Москву...» Е. П. Ростопчиной. Драматическое сочинение Ростопчиной (1856) – своеобразное продолжение пьесы Грибоедова. Ростопчинская пьеса, в которой представлены новый приезд Чацкого в Москву, приуроченный к 1850 г., и его последствия, носит откровенно памфлетный характер, это преимущественно сатира на лица. Памфлетность создается прежде всего благодаря очевидной портретности двух персонажей, добавленных писательницей: поэта-славянофила Элейкина и западника Евлампия Моисеевича Феологинского. Прообраз первого – славянофил А. С. Хомяков, второго – Н. Г. Чернышевский. Ростопчина резко меняет соотношение центра и периферии в системе персонажей: если у Грибоедова фигуры такого рода являются третьестепенными, то у его продолжательницы они выходят на первый план: конфликт славянофила Элейкина и его адептов Горичей с западником Феологинским и его приверженцами Цурмайером, Петровым, женой Феологинского (урожденной Мими Тугоуховской) и ее сестрой княжной Зизи Тугоуховской является основной пружиной действия в «Возврате Чацкого в Москву...». Другая трансформация, совершенная Ростопчиной, – отказ от любовной интриги как основы сюжета. Кроме того, писательница полностью лишает образ Чацкого потенциально комических элементов, которые находили в нем первые критики. В системе персонажей она уравнивает его образ фигурой его confidentки княгини Ольги Юрьевны Цветковой, прототипом которой является сама писательница. «Возврат Чацкого в Москву...» – идеологическая сатирическая комедия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Горе от ума», А. С. Грибоедов, «Возврат Чацкого в Москву...», Е. П. Ростопчина, русская драматургия, драматический сиквел, идеологическая комедия.

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-1-50-61
УДК 821.161.1.0-2"18"

Andrey M. Ranchin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0414-5106

“Chatsky’s return to Moscow...” by Evdokiya Rostopchina and “Woe from Wit” by Aleksandr Griboedov: Peculiarities of the text structure

ABSTRACT

The article contains a comparative analysis of two comedies: *Woe from Wit* by A. S. Griboedov and *Return of Chatsky to Moscow...* by E. P. Rostopchina. The dramatic composition by Rostopchina (1856) is a kind of continuation of Griboedov’s play. The Rostopchina’s play suggests Chatsky’s new arrival in Moscow, timed to 1850, and its consequences. It is a frank pamphlet in nature, representing mainly a satire on personalities. The pamphlet is created primarily due to the obvious portraits of two characters added by the writer: the Slavophile poet Eleikin and the Westernizer Evlampy Moiseevich Feologinsky. The prototype of the first is the Slavophile A. S. Khomyakov, the second — N. G. Chernyshevsky. Rostopchina dramatically changes the ratio of the center and the periphery in the system of characters. If Griboedov’s characters are tertiary, then in his successor’s play they come to the forefront: the conflict between the Slavophile Eleikin and his adherents Gorich with the Westerner Feologinsky and his adherents Tsurmayer, Petrov, the wife of Feologinsky (nee Mimi Tugouhovskaya) and her sister Princess Zizi Tugouhovskaya is the main spring of action in *Return of Chatsky...* Another transformation made by Rostopchina is the rejection of a love affair as the basis of the plot. In addition, the writer completely deprives the image of Chatsky of the potentially comic elements that the first critics found in him. In the character system, she balances his image with the figure of his confidant Princess Olga Yuryevna Tsvetkova, the prototype of which is the writer herself. *The Return of Chatsky...* is an ideological satirical comedy.

KEYWORDS

“Woe from Wit”, A. S. Griboedov, “Return of Chatsky to Moscow...”, E. P. Rostopchina, Russian dramaturgy, dramatic sequel, ideological comedy.

Комедия графини Евдокии Петровны Ростопчиной (урожденной Сушковой, 1811 – 1858) (фото 1) «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» (названная автором «Разговор в стихах» и «Продолжение комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»», 1856 г., опубликована посмертно в 1865-м) – это, как и указано в подзаголовке пьесы, продолжение знаменитой комедии А. С. Грибоедова (ср. принадлежащее Д. Грин определение “sequel” [1, р. 106], в русском переводе неточно переданное выражением «как бы продолжение» [2, с. 125]; общее, но довольно поверхностное сопоставление двух комедий см. в статье [3]). Ростопчинская пьеса, в которой представлены новый приезд Чацкого в Москву, приуроченный к 1850 г., и его последствия, носит откровенно памфлетный характер, это преимущественно сатира на лица. Памфлетность создается прежде всего благодаря очевидной портретности двух персонажей, добавленных писательницей: поэта-славянофила Элейкина и западника Евлампия Моисеевича Феологинского. Соотнесенность Элейкина с А. С. Хомяковым устанавливается благодаря реплике этого действующего лица: «Я должен выплакать все мерзости России» [4, с. 643], отсылающей к скандально известному хомяковскому стихотворению «России» (1854) и пародированию в элейкинском стихотворении других поэтических текстов известного славянофила (см. об этом [5]; об отношении писательницы к Хомякову см. [6]). Феологинский, несомненно, соотнесен с Н. Г. Чернышевским, на что указывают помимо роли идеолога радикального западничества имя, отчество и фамилия персонажа: имя Евлампий, отчество Моисеевич и искусственная, «семинарская» фамилия со значением «Богословский» однозначно свидетельствуют о происхождении из духовной среды, выходцем из которой был литератор «Современника». Об этом же говорит замечание графини внучки

Фото 1. П. А. Федотов. Портрет графини Е. П. Ростопчиной (1850). Государственная Третьяковская галерея / P. A. Fedotov. Portrait of Countess E. P. Rostopchina (1850). The State Tretyakov Gallery

Хрюминой: «Адъютант из семинаристов» [4, с. 617]. Отчество также, возможно, намекает на претензии Феологинского быть вождем молодого поколения (Феологинский покровительствует студенту Цурмайеру). Правда, его род занятий («Профессор он Истории», – объясняет Чацкому Фамусов [3, с. 613]) и принадлежность к московскому обществу соотносят его скорее с Т. Н. Грановским. Однако Грановский умер за год до написания комедии, так что делать выпад против него было уже неактуально, и по происхождению он был дворянином. Естественно, москвич Феологинский, который лишь намерен издавать журнал,

не является буквально литературным двойником Чернышевского, в то время как Элейкин – откровенный шарж на Хомякова. Однако оба персонажа отчетливо выделяются на фоне остальных как соотносящиеся с реальными лицами. (О явной портретности еще одного введенного Ростопчиной персонажа, княгини Цветковой, будет сказано ниже.)

Портретность, отсылка к конкретным личностям отчасти присуща и Грибоедовскому претексту «Возврата Чацкого в Москву...». Хотя исследователь «Горя от ума» Н. К. Пиксанов указывал: «...разумеется, в художественных образах поэта не было простого копирования с определенных лиц, хотя яркая типичность его героев невольно вызвала в современниках догадки об их оригиналах» [7, с. 444–445], среди внесценических персонажей комедии есть, несомненно, фигуры портретного плана. Таковы, например, два московских барина: «Нестор негодяев знатных» и помещик-театрал, прототипы которых – известные в обществе господ Ржевский и Измайлов (см. об этом [8, с. 330]). Аллюзивный характер образа одного из репетиловских приятелей признал и Н. К. Пиксанов: «В образе ночного разбойника, дуэлиста, вернувшегося алеутом, несомненно, обрисован Фёдор Иванович Толстой, прозванный “Американцем”. Толстой служил в Преображенском полку, потом принял участие в кругосветном путешествии Крузенштерна, за столкновение с командиром был высажен на берег во владениях Российско-американской колонии, жил на Алеутских островах. Страстью его были дуэли и карточная игра. Будучи превосходным стрелком из пистолета и мастерски владея саблей, он сам считывал одиннадцать человек, убитых им на дуэлях. Намеки на Толстого-Американца в реплике Репетилова столь прозрачны, что не требуют особых подтверждений. Он сам признал свое тождество с грибоедовским образом. На списке “Горя от ума”, принадлежавшем декабристу Ф. П. Шаховскому <...>, против слов: “В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, и крепко на руку нечист” – Толстой сделал собственноручные замечания и исправления. Он предлагал читать: “в Камчатку *чорт носил*” – “ибо сослан никогда не был”; “в *картишках* на руку нечист” – “для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола...”» [7, с. 466–467].

Ростопчина резко меняет соотношение центра и периферии в системе персонажей: если у Грибоедова фигуры такого рода являются третьестепенными (внесценическими), то у его продолжательницы они выходят на первый план: конфликт славянофила Элейкина и его адептов Горичей с западником Феологинским и его приверженцами Цурмайером, Петровым, женой Феологинского (урожденной Мими Тугоуховской) и ее сестрой княжной Зизи Тугоуховской является основной пружиной действия в «Возврате Чацкого в Москву...».

Другая трансформация, совершенная Ростопчиной, – отказ от любовной интриги как основы сюжета. В ее сценах присутствует целая серия сексуальных связей, домогательств и ухаживаний сомнительного свойства. 78-летний Фамусов – поклонник и, видимо, любовник жены Молчалина польки Гедвиги Францовны. Неравнодушные хозяина дома к супруге бывшего подчиненного

выразилось в выделении денег двум детям прекрасной польки, и этот поступок становится причиной вражды фамусовской дочери Софьи Скалозуб с отцом и Гедвигой Францовной. Домашний учитель детей Скалозубов Петров – любовник госпожи Скалозуб и отзывчивый предмет обожания со стороны Софьиной дочери Веры. Верина сестра Надя влюблена в студента Цурмайера. Софья Павловна пытается увлечь Чацкого и ревнует его к графине Хрюминой-внучке, та стремится бороться за расположение приезжего гостя. Также Софья пытается устроить брак старшей дочери Веры с Чацким. Однако это или второстепенные, сугубо локальные событийные линии, или статичные ситуации. Даже череда событий, вызванных узнаванием тайны о свидании Веры с Петровым: изгнание Петрова из дома при участии Чацкого, узнавание Скалозубом правды об отношениях жены с домашним учителем, вызванный разразившимся скандалом разрыв Нади с Цурмайером – никак не влияет на положение центрального персонажа. Главный герой в отличие от Чацкого из «Горя от ума» не является участником какого бы то ни было любовного конфликта. Он не оказывается в положении отвергнутого влюбленного, так называемого ложного жениха. Своеобразной декларацией его новой сюжетной функции является реплика, адресованная Софье:

К чему вспоминать о детских приключениях?...¹

Я сед и лыс... я холоден и стар...

Погас мой юношеский жар!...

Язык страстей меня уж не волнует...

Теперь уж женщина меня не очарует, –

Не страшен мне любви угар!...

Нет!... Глупостью такой давно уж, слава Богу,

Не занимаюсь я!... Нет!... здесь, в груди моей, –

(Кладет себе руку на грудь.)

Завида вас, ничто не бьет тревогу...

Любить могу душой не женщину, – людей!... [4, с. 593].

Как давно точно заметил В. К. Кюхельбекер, в «Горе от ума» «вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам: тут, точно, нет никаких намерений, которых одни желают достигнуть, которым другие противятся, нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригою. Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, – и только» (запись в дневнике от 8 февраля 1833 г. [9, с. 92]). Тем не менее сюжет «Горя от ума» основан на любовной интриге, «внутри» которой «упакован» идейно-нравственный конфликт. Об этом свидетельствует как сам текст комедии, так и его интерпретация автором в письме П. А. Катенину от первой половины января – 14 февраля 1825 г.: «Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая

¹ Здесь и далее во всех цитатах учтены особенности пунктуации Ростопчиной, сохраненные в цитируемом издании.

предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: “Шутить и век шутить, как вас на это станет” – Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесит, но всё-таки: “Не человек! змея!”, а после, когда вмешивается личность, “наших затронули”, предается анафеме: “Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!” Не терпит подлости: “ах! боже мой, он карбонарий”. Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого?» [10, с. 508 – 509, выделено в оригинале разрядкой].

Между тем ролью «ложного жениха», в которой представлен Чацкий у Грибоедова, традиционно в европейских, в том числе русских, комедиях наделялся персонаж – антагонист главного героя, рисуемый с насмешкой, обычно сатирической. Его фиаско в любви было свидетельством несостоятельности нравственной. Неожиданное переосмысление, «перевертывание» этого амплуа Грибоедовым, применившим его к герою – выразителю авторской точки зрения, явилось одной из причин, создавших представление о главном герое «Горе от ума» как о фигуре полукомической (см. [11, с. 53 – 56, 64 – 69; 12, с. 69 – 81; 13, с. 55 – 84; 14, с. 19; 15, с. 9 – 53]). Разумеется, вкупе со «слепотой» персонажа, не видящего или не желающего признавать очевидное (чувство Софьи к ничтожному Молчалину), с его «неразумной» несдержанностью в остротах и насмешках, с бесосновательным упреком в адрес любимой девушки, что она «завлекла» его надеждой. Если критики и читатели XIX в. (М. А. Дмитриев, А. И. Писарев, В. Г. Белинский, А. С. Пушкин – в письме князю П. А. Вяземскому от 28 января 1825 г. и в недатированном письме А. А. Бестужеву, относящемся к концу января того же года) видели в этой (мнимой) полукомичности следствие неудачи драматурга, то в XX в. такая интерпретация образа Чацкого стала даже рассматриваться как воплощение грибоедовского замысла, что нашло, например, отражение в спектакле Театра имени Моссовета с Олегом Меньшиковым в главной роли. Эти черты Чацкого – в действительности только лишь психологически мотивированные признаки того, что герой Грибоедова – не ходульный идеальный персонаж, а более сложная фигура. Он не только не должен вызывать смех или язвительную улыбку. Ситуацию, в которой он оказывается (говорение «в пустоту»), не стоит считать даже внешне комической, но скрывающей трагизм, как утверждал Ю. Н. Тынянов, писавший: «Центр комедии – в комичности положения самого Чацкого, и здесь комичность является средством трагического, а комедия – видом трагедии» [16, с. 367] (см. об этом [15]).

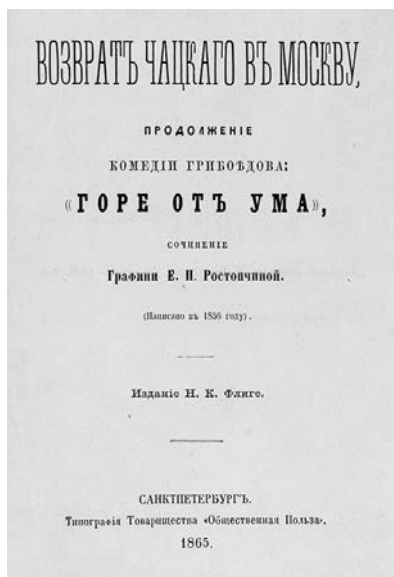

Фото 2. Титульный лист первого издания «Возврата Чацкого в Москву...» (1865) / Title page of the first edition of *Return of Chatsky to Moscow* (1865)

Тем не менее Ростопчина предпочла обезопасить своего Чацкого от малейшей возможности таких интерпретаций (фото 2).

«Возврат Чацкого в Москву...» – в известном смысле комедия более идеологическая, чем ее прообраз-претекст. Решение отбросить любовный конфликт в качестве основы сюжета, событийной доминанты было для поэтессы глубоко нетривиальным: из ее 13 известных мне драматических сочинений «Возврат Чацкого в Москву...» в этом отношении уникален. Ростопчинский Чацкий выступает в роли не столько главного действующего лица, сколько пронизательного комментатора, дающего оценки всему и всем. Он пытается примирить враждующие партии:

У тех и у других по мне уважить надо
Начало доброе, – хоть ложный вывод
взгляда
И странен и смешон в наш просвещенный
век!... [4, с. 664]

– но вызывает ненависть у обеих сторон и в конце концов оказывается вновь оклеветан: объявлен сумасшедшим. Первым этот слух пускает Феологинский, Зизи аттестует его «шпионом» и «подлецом», Наталья Дмитриевна объявляет «врагом», несмотря на призыв Чацкого:

С терпимостью, с взаимным снисхождением
Нельзя нам разве в мире жить? [4, с. 670].

Таким образом, если в «Горе от ума» Чацкий представляет сам одну из сторон конфликта («век нынешний», «молодых людей» [17, с. 36, 49]), отличается язвительностью и насмешливостью, то в комедии Ростопчиной он мудрец, стоящий над схваткой века. Но в грибоедовской комедии Чацкий – единственное действующее лицо, выражающее истинную точку зрения. В пьесе Ростопчиной он не одинок: имеется еще один персонаж – выразитель правды. Это княгиня Ольга Юрьевна Цветкова. Показательно, что она петербурженка, не принадлежит московскому локусу, в Москве ненадолго:

Не там... не на Неве?...
Не правда ли, вас это удивило?
Что ж делать?... Так пришлось!... По мужниным делам,...
Я здесь лишь нехотя и с горем пополам...

Но Петербургу я совсем не изменила, –
И с будущей зимой я снова буду там!... [4, с. 635].

Княгиня не принимает участия в действии: она наблюдатель, и это выделяет ее из круга персонажей комедии. Но именно ей удается уговорить Чацкого остаться в Москве – княгиня Цветкова предлагает его познакомить с *другими* москвичами:

Я позову для вас и женщин просвещенных,
И несколько мужчин, и стариков почтенных... [4, с. 683].

Благодаря этому персонажу ростопчинская комедия приобрела совсем иную развязку, чем произведение Грибоедова.

При этом она в мудрости даже превосходит Чацкого. Как заметил один из рецензентов: «Над всеми этими лицами двух столь различных направлений рисуется личность княгини Цветковой, молодой, образованной женщины, которая, во многом соглашаясь с Чацким и разделяя его взгляд на вещи, в то же время являет собой и контраст ему: она способна видеть не одну дурную сторону московского общества; она верит в людей и хочет помирить с ними и Чацкого: “в семье не без урода” – ее последние слова, и к ним сводится мысль всего сочинения Ростопчиной» [18, с. 182–183].

Княгиня Цветкова – персонаж явно портретный: она соотнесена с самой Ростопчиной – хозяйкой московского литературного салона. В 1849–1854 годы писательница проводила у себя литературные субботы, посетителями которых были М. П. Погодин, поэт Л. А. Мей, А. Н. Островский и другие сотрудники так называемой молодой редакции «Москвитянина» (А. А. Григорьев, Б. Н. Алмазов, Т. И. Филиппов, Е. Н. Эдельсон), литератор, в прошлом участник декабристского движения Ф. Н. Глинка, Н. Ф. Щербина, бывали Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Я. П. Полонский, М. Н. Загоскин, А. Ф. Писемский, М. А. Дмитриев, А. С. Хомяков, прозаик Н. Ф. Павлов. Заходили и петербуржцы, оказавшиеся в Москве, – И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, А. Н. Майков (о салоне Ростопчиной см. [19, с. 421–462]).

Героиня комедии скептически относится к Москве. В ответ на риторический вопрос Чацкого:

Так, стало быть, Москва стареет,
Но не меняется?..

– княгиня «со смехом» отвечает: «Верна себе всегда!» [4, с. 671]. Москвичка по рождению, Ростопчина, высланная из Петербурга в первопрестольную за написание и публикацию стихотворения «Насильный брак», осуждающего российскую политику по отношению к Польше, ощущала пребывание в родном городе очень болезненно, тягостно: «Ах издали есть точное определение моего отношения к всему Петербургскому и... к самому Петербургу! <...>

Москва для меня *ad.* <...> “И скучно, и грустно, некому руку подать!” Тем более, тем искреннее, тем чаще, тем живее сожалею я о милом прошлом, об просвещенных землях и краях, о друзьях на берегу Невы, то есть о тех немногих, которые были для меня всегда одними, не меняясь, не отступаясь, не лицемеря...» – жалуется московская изгнанница П. А. Вяземскому 10 сентября 1848 г. [20, л. 17 об. – 18 об., выделено в оригинале]. Антимосковская направленность речей грибоедовского Чацкого была ей близка.

Фамилия княгини Цветковой, по-видимому, отсылает к одному из ранних стихотворений Ростопчиной, в котором она отождествляет себя с цветком:

А я, цветок, в безвестности пустыни
Увяну я,.... и мысли тщетный дар,
И смелый дух, и вдохновенья жар –
Кто их поймет?... В поэте луч святыни
Кто разглядит сквозь дум неясных пар?...
(«Последний цветок», 1835 [21, с. 193]).

С «розой, блестящей и белоснежной» [22, с. 396] сравнивается в романе «Счастливая женщина» ее любимая героиня Марина Ненская – персонаж психологически автобиографический.

«Возврат Чацкого в Москву...» – опыт возрождения грибоедовской сатирической традиции в новых условиях, когда Ростопчина пытается выступить в роли наследницы первых русских поэтов, осознаваемых как классики, и декларирует свою эстетическую и общественную позицию как преемственную по отношению к их ценностям и идеям (см. об этом: [23, с. 172–186]). В программном стихотворении «Простой обзор» она писала, обращаясь к славным стихотворцам недавнего прошлого:

Воззрите к нам с высот своих загробных,
Дух жизни дайте мертвым словесам,
Иных поэтов, чистых и незлобных,
И верящих скорей пошлите нам!..
Чтоб были бы они теплы душою,
И независимы умом, –
Чтоб гений их, парящий над землею,
Слегка земли касался бы крылом!...

Чтоб Русь же сыновнею любовью
Любили без причуд, без ханжества,
Чтоб отстоять могли пером и кровью
Ее судьбу, ее права!...
Чтоб книжники лжемудрою толпою
Из храма выбегли под их бичом, –
И Пушкинской волшебною строфою,
И Грибоедовским стихом!... [24, с. 425].

1. Green D. Reinventing Romantic Poetry. Russian Woman Poets of the Mid-Nineteenth Century. Madison: The University of Wisconsin Press, 2003. – 256 p.
2. Грин Д. Иное лицо романтической поэзии: Русские женщины-поэты середины XIX века / Пер. с англ. Анны Бродоцкой. СПб.: Академический проект; ДНК, 2008. – 350 с.
3. Вачева А. «Ба, знакомые все лица!..» Пьеса «Возврат Чацкого в Москву...» графини Евдокии Ростопчиной // Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XXI вв.: Первые Ростопчинские чтения, 15 декабря 2012 г.: Сб. материалов / Сост. В. П. Сергеев. Воронеж: ООО «Воронежская областная типография», 2013. С. 90–98.
4. Ростопчина Е. П. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Дмитрий Сечин, 2020. Т. 4. Ч. 2 / Сост., подг. текста, коммент. А. М. Ранчина. – 797 с.
5. Ранчин А. М. Стихотворение Элейкина из комедии Е. П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву <...>» как пародия на славянофильскую поэзию // Литературоведческий журнал. 2022. № 1. С. 109–125.
6. Гаврюшин Н. К. «Признак настоящей веры»: А. С. Хомяков и Е. П. Ростопчина // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: Сб. ст. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1 / Отв. ред. Б. Н. Тарасов. С. 77–88.
7. <Пиксанов Н. К.> Прототипы «Горя от ума» // Грибоедов А. С. Горю от ума / Изд. подг. Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1987. С. 444–454.
8. Цимбаева Е. Грибоедов. М.: Молодая гвардия, 2003. – 551 с.
9. Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской либеральной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисл. Ю. Н. Тынянова; ред., введ. и примеч. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. [Л.]: Прибой, 1929. – 372 с.
10. Грибоедов А. С. Сочинения / Сост., вступит. ст., коммент. С. А. Фомичева. М.: Худож. лит., 1988. – 751 с.
11. Слонимский А. «Горю от ума» и комедия эпохи декабристов (1815–1825) // А. С. Грибоедов. 1795–1829: Сб. ст. / Под ред. И. Клабуновского, А. Слонимского. М.: Гослитмузей, 1946. С. 39–73.
12. Зорин А. Л. «Горю от ума» и русская комедия 10–20-х годов XIX века // Филология: Сб. работ студентов и аспирантов филологического факультета МГУ. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1977. Вып. 5. С. 69–81.
13. Проскурина В. Ю. Диалоги с Чацким // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели / Сост. А. А. Ильин-Томич. М.: Книга, 1988. С. 55–84.
14. Безнососов Э. Л. Потому что искусство поэзии требует слов... М.: Лингвистика, 2011. – 320 с.
15. Ранчин А. М. Контекст и интерпретации: Этюды о русской словесности. М.: Литфакт, 2019. – 496 с.
16. Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горю от ума» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Отв. ред. В. В. Виноградов; сост. сб. и подгот. текста В. А. Каверина, З. А. Никитиной; коммент. А. Л. Гришунина, А. П. Чудакова. М.: Наука, 1969. С. 347–379.
17. Грибоедов А. С. Горю от ума // Грибоедов А. С. Горю от ума / Изд. подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1987. С. 3–134.
18. А. Х. Возврат Чацкого в Москву. Продолжение комедии Грибоедова «Горю от ума». Сочинение Е. П. Ростопчиной. (Написано в 1856 году) <рецензия> // Русская сцена, театральный журнал. 1865. № 2. Февраль. Современное театральное обозрение. 5. Драматическая библиография. С. 166–184.
19. Романов Б. А. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной: Повествование в семи частях. М.: Русский Мирь, 2017. – 800 с.
20. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2683.
21. Ростопчина Е. П. Собрание сочинений в 6 т. М.: Дмитрий Сечин, 2018. Т. 1 / Составление, комментарии А. М. Ранчина. – 590 с.
22. Ростопчина Е., гр. Счастливая женщина. Современная биография. I–IV // Москвитянин. 1851. Декабрь. № 23. Кн. 1. С. 381–432.
23. Ранчин А. М. «...У алтаря пустого я стою!» Е. П. Ростопчина в 1850-х гг. // Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. А. И. Рейтблат. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. [Вып.] 6. С. 172–186.
24. Ростопчина Е. П. Собрание сочинений в 6 т. М.: Дмитрий Сечин, 2018. Т. 2 / Составление, комментарии А. М. Ранчина. – 784 с.

1. Green D. *Reinventing Romantic Poetry. Russian Woman Poets of the Mid-Nineteenth Century*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2003. 256 p.
2. Grin D. *Inoe lito romanticheskoi poezii. Russkie zhenshchiny-poety serediny XIX veka* [Another face of romantic poetry. *Russian Woman Poets of the Mid-Nineteenth Century*] Transl. from English by Anna Brodovskaya. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; "DNK" Publ., 2008. 350 p.
3. Vacheva A. "Ba, znakomye vse litsa!.." P'esa "Vozvrat Chatskogo v Moskvu..." grafini Evdokii Rostopchinoi ["Bah, all familiar faces!.." The Play "Return of Chatsky to Moscow..." by Countess Evdokia Rostopchina]. In: *Evdokiya Rostopchina v otechestvennoi kul'ture XIX–XXI vv. Pervye Rostopchinskii chteniia, 15 dekabrya 2012 g.: Sbornik materialov* [Evdokia Rostopchina in the Russian Culture of the XIX–XXI centuries. First Rostopchin Readings, December 15, 2012. Collection of materials], ed. by V. P. Sergeev. Voronezh: Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, 2013, pp. 90–98.
4. Rostopchina E. P. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh. Tom 6. Chast 2. Pod redaktsiei A. M. Ranchina* [Collected Works in 6 vols. Vol. 6, pt. 2, ed. by A. M. Ranchin]. Moscow: Dmitrii Sechin, 2020. 797 p.
5. Ranchin A. M. *Stikhotvorenii Eleikina iz komedii E. P. Rostopchinoi "Vozvrat Chatskogo v Moskvu <...>" kak parodiya na slavyanofil'skuyu poeziyu* [Eleikin's poem from the comedy by E. P. Rostopchina "Return of Chatsky to Moscow <...>" as a parody of Slavophil poetry]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [Journal of Literary Studies]. 2022. No 1. Pp. 109–125
6. Gavryushin N. K. "Priznak nastoyashchei very": A. S. Khomyakov i E. P. Rostopchina ["Sign of True Faith": A. S. Khomyakov and E. P. Rostopchin]. In: *Khomyakov – myslitel', poet, publitsist: Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoyavsheisya 14–17 aprelya 2004 goda v gorode Moskve v Literaturnom institute im. A. M. Gor'kogo* [Khomyakov – Thinker, Poet, Publicist: Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference, Held on April 14–17, 2004 in Moscow at the A. M. Gorky Literary Institute]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, vol. 1, ed. by B. N. Tarasov, pp. 77–88.
7. <Piksanov N. K.> *Prototipy "Gorya ot uma"* [Prototypes of "Woe from Wit"]. In: *Griboedov A. S. Gore ot uma* [Woe from Wit], ed. by N. K. Piksanov, A. L. Grishunin. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 1987, pp. 444–454.
8. Tsimbaeva E. *Griboedov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. 551 p.
9. *Dnevnik V. K. Kyukhel'bekera. Materialy k istorii russkoi liberal'noi i obshchestvennoi zhizni 10–40 godov XIX veka* [Diary of V. K. Küchelbecker. Materials for the History of Russian Liberal and Social Life in the 10–40s of the XIX century], ed. by Yu. N. Tynyanov, V. N. Orlov, S. I. Khmel'nitskii. [Leningrad]: Priboi, 1929. 372 p.
10. Griboedov A. S. *Sochineniya* [Works], ed. by S. A. Fomichev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 751 p.
11. Slonimskii A. "Gore ot uma" i komediya epokhi dekabristov (1815–1825) ["Woe from Wit" and the Comedy of the Decembrist Era (1815–1825)]. In: *A. S. Griboedov. 1795–1829: Sbornik statei* [A. S. Griboedov. 1795–1829: Collected Papers], ed. by I. Klabunovskii, A. Slonimskii. Moscow: Goslitmuzei, 1946, pp. 39–73.
12. Zorin A. L. "Gore ot uma" i russkaya komediya 10–20-kh godov XIX veka ["Woe from Wit" and Russian Comedy 10–20s of the XIX century]. In: *Filologiya: Sbornik rabot studentov i aspirantov filologicheskogo fakul'teta MGU* [Philology: Collection of Works of Students and Graduate Students of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1977. Issue. 5, pp. 69–81.
13. Proskurina V. Yu. *Dialogi s Chatskim* [Dialogues with Chatsky]. In: "Stolet'ya ne sotrut..." : *Russkie klassiki i ikh chitateli* ["Centuries Will Not Erase...": Russian Classics and Their Readers], ed. by A. A. Il'in-Tomich. Moscow: Kniga, 1988, pp. 55–84.
14. Beznosov E. L. *Potomu chto iskusstvo poezii trebuuet slov...* [Because the Art of Poetry Requires Words...]. Moscow: Lingvistika, 2011. 320 p.
15. Ranchin A. M. *Kontekst i interpretatsii: Etyudy o russkoi slovesnosti* [Context and Interpretations: Articles on Russian Poetry]. Moscow: Lifaakt, 2019. 496 p.

16. Tynyanov Yu. N. *Syuzhet "Gorya ot uma"* [The Plot of "Woe from Wit"]. In: Tynyanov Yu. N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries], ed. by V. V. Vinogradov, V. A. Kaverin, Z. A. Nikitina, A. L. Grishunin, A. P. Chudakov. Moscow: Nauka, 1969, pp. 347–379.
17. Griboedov A. S. *Gore ot uma* [Woe from Wit]. In: Griboedov A. S. *Gore ot uma* [Woe from Wit], ed. by N. K. Piksanov, A. L. Grishunin. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 1987, pp. 3–134.
18. A. Kh. *Vozvrat Chatskogo v Moskvu. Prodolzhenie komedii Griboedova "Gore ot uma"*. *Sochinenie E. P. Rostopchinoi. (Napisano v 1856 godu) <retsenziya>* [Chatsky's Return to Moscow. Continuation of Griboedov's Comedy "Woe from Wit". Composition by E. P. Rostopchina. (Written in 1856) <review>]. In: *Russkaya Stsena, teatral'nyi zhurnal* [Russian Stage, Theatre Magazine]. 1865. No 2. February. *Sovremennoe teatral'noe obozrenie. 5. Dramaticheskaya bibliografiya*, pp. 166–184.
19. Romanov B. A. *Poetessa, ili Sud'ba Evdokii Rostopchinoi: Povesstovaniye v semi chastyakh* [Poetess, or The Fate of Evdokia Rostopchina: A Narrative in Seven Parts]. Moscow: Russkii Mir, 2017. 800 p.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 195. Op. 1. Ed. khr. 2683.
21. Rostopchina E. P. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh. Tom 1* [Collected Works in 6 vols. Vol. 1]. Moscow: Dmitrii Sechin, 2018. Ed. by A. M. Ranchin. 590 p.
22. Rostopchina E., gr. *Schastlivaya zhenshchina. Sovremennaya biografiya. I–IV* [Happy Woman. Modern biography. I–IV]. *Moskvityanin Muscovite*. 1851. December. No. 23. Pt. 1, pp. 381–432.
23. Ranchin A. M. «...U altarya pustogo ya stoyu!» E. P. Rostopchina v 1850-kh gg. [«...I Stand at the Empty Altar!» E. P. Rostopchina in the 1850s]. In: *Litsa: Biograficheskii almanakh* [Faces. Biographical Almanac], ed. By A. I. Reitblat. Moscow; Saint Petersburg: Feniks; Atheneum, 1995. [Issue], pp. 172–186.
24. Rostopchina E. P. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh* [Collected Works in 6 vols. V. 2]. Moscow: Dmitrii Sechin, 2018, ed. by A. M. Ranchin. 784 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ранчин Андрей Михайлович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: aranchin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0414-5106

ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Ranchin – Dr. Sc. in Philology, Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: aranchin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0414-5106

Статья поступила в редакцию: 20.12.2021

Отредактирована: 09.02.2022

Принята к публикации: 13.02.2022

Received: 20.12.2021

Revised: 09.02.2022

Accepted: 13.02.2022

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ранчин А. М. «Возврат Чацкого в Москву...» Е. П. Ростопчиной и «Горе от ума» А. С. Грибоедова: особенности структуры текста // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2022. № 1. С. 50–61.

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-1-50-61

FOR CITATION

Ranchin A. M. "Return of Chatsky to Moscow..." by Evdokiya Rostopchina and "Woe from Wit" by Aleksandr Griboedov: Peculiarities of the text structure. *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2022, no. 1. pp. 50–61.

DOI: 10.35852/2588-0144-2022-1-50-61